12+

КОДЕКС ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ

КНИГА II. ПОВЕРХНОСТЬ

Матвей Листвянов

Матвей Листвянов

Кодекс избыточного давления. Книга 2. Поверхность

«Издательские решения»

Листвянов М.

Кодекс избыточного давления. Книга 2. Поверхность / М. Листвянов — «Издательские решения»,

Книга про выживание в постапокалиптическом мире среди небольшой группы других выживших. В этой части рассказывается о выходе людей на поверхность после длительного пребывания в герметичном бункере.

© Листвянов М.
© Издательские решения

Содержание

КОДЕКС ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕТЕР СВЕРХУ 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕТЕР СВЕРХУ 8
I. Порог 8
* * * 10
* * * 11
* * * 12
* * * 13
* * * 14
* * * 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Кодекс избыточного давления. Книга 2. Поверхность

Матвей Листвянов

© Матвей Листвянов, 2026

ISBN 978-5-0071-7462-6 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-7404-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОДЕКС ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ
Книга II. Поверхность
Матвей Листвянов
Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕТЕР СВЕРХУ

I. Порог
II. Расширение
III. Спор о лете
IV. Серое Здание
V. Мачта
VI. Гранит-4
VII. Двое детей
VIII. Что можем отдать
IX. Дорога
X. Ультиматум
XI. Кузов
XII. Карантин
XIII. Борис
XIV. Список
XV. Канистра
XVI. Скважина
XVII. Помидор
XVIII. Первый снег
XIX. Зимний регламент
XX. Три силуэта
XXI. Тамара
XXII. Двое без имени
XXIII. День шестисот
XXIV. Скала-1

ЧАСТЬ III: ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ И WORLDBUILDING
1. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ «КОДЕКСА ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ»
Раздел I. Зональность и режим доступа
Раздел II. Нормирование ресурсов
Раздел III. Безопасность и гигиена
Раздел IV. Управление
2. ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ УБЕЖИЩА «ПОДПОРА»
Раздел I. Общие данные
Раздел II. Системы жизнеобеспечения
Раздел III. Нормирование (согласно Кодексу)
Раздел IV. Надземный периметр (с Дня 445)
3. СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА УБЕЖИЩА «ПОДПОРА» (НА ДЕНЬ 600)
Раздел I. Исходный состав (герметизация Д-0)
Раздел II. Группа «Гранит-4» (принята на День 445)
Раздел III. Присоединившиеся из группы Гурова (приняты на День ~545)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕТЕР СВЕРХУ

I. Порог

На триста тридцать первые сутки Илья вывел в журнале строку крупнее обычного почерка: «Главный затвор. Полная группа. Наружная антенна».

Малая дверь, через которую он выходил на получасовые разведки почти год, была за углом того же коридора и вела наружу буднично — он давно перестал считать эти выходы событием. Д-2 — другое дело. Двухтонная плита, сомкнувшаяся одним долгим вздохом резины по металлу в первый день и не открывавшаяся с тех пор ни разу, срослась со стеной так плотно, что все восемь давно перестали её замечать, как перестаёшь замечать потолок, под которым спишь.

Утром Виктор объявил об этом за завтраком тем же тоном, каким объявлял смену дежурства.

— Сегодня открываем главный. Всей группой. Ставим наружную антенну на месте старого вентиляционного оголовка. Без неё связь дальше потерны не уйдёт.

Ложки замерли над мисками. Марина отозвалась первой — она второй месяц собирала на верстаке телескопическую мачту, кабель в бухтах, крепёж, и всё это ждало у стены жилого блока дня, когда перестанет быть просто грудой железа.

— Мачта готова. Готова была ещё на прошлой неделе.

У двери Дмитрий и Виктор взялись за маховик вдвоём — рукоять была рассчитана на двух человек, даже когда обе руки у обоих здоровы. Дмитрий держал хватом здоровой руки сверху, травмированную подвёл только для упора снизу — так он работал уже месяцами, привычно, без напоминаний себе.

— Клинья на пределе хода, — доложил он, упираясь плечом в холодный металл. — Ещё четверть оборота.

Плита пошла не сразу — сантиметр, потом рывком, с протяжным металлическим стоном, прокатившимся по потерне и вернувшимся эхом, будто бункер сам застонал в ответ. В щель хлынул сквозняк, обычный на слух и совершенно непривычный на вкус — пахнущий землёй, сухой травой и чем-то живым, чего никто из них не вдыхал почти год.

Лёвка стоял в очереди вторым после Виктора и замолчал на середине фразы, которую даже не начал произносить вслух. Глаза защипало без причины, которую он мог бы себе объяснить. Ему было двенадцать, когда закрылась эта дверь. Теперь тринадцать, и он уже плохо помнил, каким бывает небо без потолка над ним.

— Плачь, если хочется, — тихо сказала Анна, глядя прямо перед собой, будто говорила сама с собой. — Здесь все планировали держаться. Не удержится никто.

Виктор вышел первым — в тяжёлом ОЗК, с дозиметром в вытянутой руке — и замер на пороге, не решаясь сразу сделать этот единственный шаг вперёд. Когда он наконец заговорил в рацию, голос был не тем, каким он отдавал команды у щита все эти месяцы. Просто голосом человека, увидевшего небо после долгого перерыва.

— Фон — 0.31. Небо серое от облаков, не от пепла. Ветер слабый, порывами. Всем чисто. Выходим по одному, интервал минуту.

Один за другим они вышли на пустошь перед бункером. Обгоревшие сосны стояли так же неподвижно, как в первом докладе Ильи одиннадцать месяцев назад, только у их подножий теперь пробивалась редкая жёсткая трава — первая живая зелень, которую кто-либо из них видел за весь этот срок.

Марк снял перчатку раньше положенного и тронул пальцем кору обгоревшего ствола — почувствовать текстуру дерева, не металла, — и тут же одёрнул руку, вспомнив протокол, хотя дерево давно остыло и опасности не представляло.

Соня опустилась на колени в пепельную землю, взяла в кулак горсть грунта, пропустила между пальцами тёмной сухой струйкой.

— Мёртвая, — сказала Соня, не поднимая головы. В этом слове не было горечи — только диагноз, привычка агронома называть вещи так, как они есть.

Дмитрий обходил границу видимости по кругу, считая шаги вслух под нос, — тело искало занятие, знакомое до автоматизма, среди того, что было ему совсем незнакомо. Марина стояла, задрав голову к затянутому небу, и молчала так долго, что Илья тронул её за плечо, проверяя, всё ли в порядке; она вздрогнула, будто он её разбудил.

Илья слушал тишину — настоящую, без гула дизеля под ногами, без щелчков дозиметра в кармане, без голосов из динамика. Ветер прошёл по обгоревшим веткам, и они тихо, коротко скрипнули — так же, как в его первый выход одиннадцать месяцев назад. Теперь этот звук казался почти знакомым — как голос, который он давно не слышал и вдруг узнал.

На секунду ему вспомнился голос жены, повторявший, что дома к обеду всегда накрывали на двадцать минут раньше срока, чтобы он думал, будто успел вовремя. Воспоминание всплыло и погасло быстрее, чем он успел взяться за него всерьёз, — и то, с какой лёгкостью оно отпустило его в этот раз, само было переменой, которую он заметил не сразу.

Виктор поднял руку.

— Тридцать минут. Возвращаемся, разбираем показания, решаем, что дальше.

Никто не тронулся с места сразу. Потом тронулись все, один за другим, оглядываясь на серое небо так, как оглядываются на то, что боятся не увидеть снова.

* * *

II. Расширение

Первые недели после Порога прошли в осторожном расширении: тридцать минут стали часом, час — двумя, три шага от двери — несколькими сотнями метров, каждый следующий подтверждён дозиметром. Правило завёл Виктор в первый вечер: выходят по двое, один смотрит на прибор, другой на горизонт, и меняются на каждом выходе — чтобы привычка следить за цифрой не отучила смотреть на землю.

Дмитрий и Соня набрели на ручей — тонкую нитку воды там, где на карте был только сухой пунктир русла. Дмитрий зачерпнул воду в бутылку для анализа здоровой рукой, придержал бутылку травмированной — крепко, хоть тыльная сторона ладони почти не чувствовала холода стекла. Он не сказал об этом никому, просто переложил бутылку в другую руку, когда пальцы затекли быстрее, чем должны бы.

— Живая, — сказал он, разглядывая муть на свет. — Мутная, но живая.

Соня присела у берега, зачерпнула горсть земли.

— Раз тут течёт хоть что-то — почва выше по руслу отходит от заражения быстрее расчётного. Возьму пробу.

К исходу месяца Илья приносил на общий стол цифры вместо рассказов: фон, влажность, состав проб. Анна первой из всех вышла без спецкостюма — только респиратор и перчатки — и вернулась с тем же пустым от слов лицом, с каким когда-то возвращался Илья после своего первого выхода.

— Кожу не жгло, — сказала она просто, снимая респиратор в шлюзе. — Обычный ветер, как раньше.

Лёвку Виктор держал дольше остальных, ссылаясь на возраст, хотя все понимали, что дело не в цифрах в паспорте. Когда очередь дошла до мальчика, он вышел, встал посреди пустоши и просто стоял так минуту, задрав голову к небу, пока Илья не тронул его за плечо.

— Ну как? — спросил отец.

— Больше, — сказал Лёвка, не найдя другого слова. — Небо больше, чем я его помнил.

* * *

III. Спор о лете

К началу второго месяца после Порога вопрос, который раньше казался слишком далёким, чтобы его обсуждать, лёг на стол раньше, чем кто-либо был готов.

Илья разложил перед группой сводную таблицу.

— Фон стабильно низкий третью неделю. Почва под посадку ещё не годится, но для контакта не смертельна. Тёплый сезон — от силы два месяца, потом снова холода.

— Значит, есть выбор, — Виктор положил на стол два листа рядом. — Ждать ещё год под землёй, копить данные. Или начинать строить наверху уже сейчас, пока держится тепло.

Соня не стала ждать формального слова.

— Год под землёй — это ещё год без солнца.

— Спешка убивает быстрее нехватки солнца, — возразил Дмитрий, не повышая голоса.

— Спешка — это когда решаешь за одну ночь, — Марк развернулся к нему через стол. — Мы обсуждаем это второй месяц.

— Периметра ещё нет. Ни забора, ни вышек, ни ночного освещения, — Дмитрий загибал пальцы травмированной руки, следя, чтобы каждый разгибался до конца, — привычка, которую он выработал себе сам, проверять руку так, чтобы никто не заметил зачем. — Мы не знаем, что ходит по этим лесам ночью.

— И не узнаем, сидя под землёй, — сказал Виктор.

— Тогда сидим под землёй ещё год и не узнаем этого живыми, — Дмитрий впервые за разговор повысил голос. — Я не за то, чтобы ждать вечно. Я за то, чтобы не хоронить кого-то из нас в первую же неделю наверху, потому что нам не терпелось.

Стало тихо. Марина, разливавшая чай, поставила чайник на стол резче, чем собиралась.

— Дмитрий прав в одном, — сказала она. — Мы говорим о лете так, будто оно нам обещано. Оно не обещано.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил Илья.

— Строить. Но забор — не последним пунктом, а первым.

Спор шёл ещё почти час: голоса повышались и опускались, Илья два раза начинал говорить и оба раза замолкал, не закончив мысль, Соня один раз вышла из-за стола и вернулась, так и не остыв до конца. Дмитрий молчал дольше всех — смотрел не на людей, а на разложенные листы, вычитывая ответ прямо из бумаги, не из разговора.

Виктор поднял руку — резко, без слов, и в зале тут же стало тихо, как когда-то у щита во время аварии с дизелем.

— Хватит. Кто за то, чтобы строить наверху этим летом — поднимите руку.

Руки поднимались не сразу и не разом. Соня — сразу. Илья — после паузы, которую он явно тянул до последней секунды. Марина подняла руку, не отрывая взгляда от Дмитрия, — не столько голосуя, сколько ожидая, что он сделает сам.

Дмитрий свою руку так и не поднял. Он сидел, глядя на стол, необычно долго для простого счёта голосов, и тишина в зале стала неловкой прежде, чем он наконец заговорил.

— Если строим — строим по-моему. Забор раньше сарая. Периметр раньше огорода. И это не пожелание.

— Договорились, — сказал Виктор.

Дмитрий кивнул один раз — не поднимая руки, просто кивком признавая счёт, — и в тот же вечер сел писать список требований к периметру такой длины, что Виктор, читая его на следующее утро, не вычеркнул ни строки.

* * *

IV. Серое Здание

Забор пошёл в грунт первым, как обещал Виктор, — граненые столбы, сетка-рабица, поверху колючая «Егоза». Марина, разматывая проволоку, дважды порвала перчатку, один раз кожу под ней, заклеила пластырем сама и продолжила работу, не сходив за медициной.

Илья копал контрольную траншею вдоль будущего огорода.

— Верхний слой снимать целиком, — доложил он, разминая в пальцах серый ком земли. — Сажа и изотопы. Заменим на чистый компост из биореакторов.

— Первый сезон обойдёмся без ржи, — решил Виктор. — Гидропоника внизу остаётся основной. Наверху пока опытный участок.

Вторым по значимости объектом стало «Серое Здание» — контейнеры с брошенной автобазы, сваренные вместе прямо над входом в потерну: санитарный тамбур, души, счётчик излучения на входе, чтобы пыль поверхности не спускалась глубже первого горизонта.

Каркас взялся варить Дмитрий — сам, без напоминаний, потому что варить каркасы умел он один, а просить кого-то учиться заново казалось ему пустой тратой времени, которого у периметра не было. Сварочный аппарат требовал устойчивого хвата обеими руками, и первый час всё шло ровно: шов ложился гладкой, блестящей нитью, и Дмитрий даже позволил себе подумать, что рука наконец забыла о себе.

Потом заладил дождь — несильный, но достаточный, чтобы он заторопился закончить угловой стык до темноты. На развороте, там, где нужно было держать электрод под углом и одновременно принять вес детали травмированной рукой, хват подвёл — на долю секунды раньше, чем следовало отвести дугу. Металл повело, шов пошёл рябью, полез волной там, где должен был лечь прямо. Дмитрий отдёрнул маску и долго стоял, глядя на испорченный стык, и злость, поднявшаяся в нём, была злостью не на металл.

Он не позвал никого. Взял шлифовальный круг и стал срезать испорченный шов сам, при свете переносной лампы, уже в темноте, хотя работу давно можно было отложить до утра. Срезал, зачистил, приготовился варить заново — и рука снова начала мелко подрагивать, ровно там, где предплечье немело после старой раны, и он замер с электродом в руке, не решаясь начать, потому что боялся, что второй раз выйдет так же.

— Дай я подержу, — сказала Марина, оказавшаяся рядом без предупреждения — она искала его для вечернего доклада по антенне и застала за работой, которую он явно не планировал никому показывать.

Дмитрий не сразу ответил.

— Сам справлюсь.

— Я не спросила, справишься ли, — она уже присела с другой стороны детали, поддерживая её так, чтобы вес не давил на его руку. — Я держу деталь. Ты варишь.

Второй шов вышел ровным. Марина ничего не сказала ни про первый, ни про то, зачем он оказался здесь один в темноте под дождём, — просто держала деталь, пока он не закончил, и молча ушла, когда работа была сделана, оставив его один на один с тем, что он всё-таки не хотел говорить вслух: что рука иногда подводит его именно тогда, когда это важнее всего, и что он не знает, сколько ещё раз она подведёт прежде, чем кто-то, кроме него самого, это заметит.

К исходу восьмидесятого дня Соня, придирчиво оглядев готовый шлюз, вынесла вердикт:

— Уродливое.

Она больше ничего не сказала — просто толкнула дверь, проверяя, насколько плотно она садится в проём, кивнула сама себе и пошла разбирать рассаду, оставив всех гадать, стоит ли считать это одобрением.

* * *

V. Мачта

Мачту ставили в последний из дней стройки — секция за секцией, растяжка за растяжкой, и когда верхняя секция с круговой антенной встала на полную высоту, работа во всём посёлке остановилась сама, без команды: люди подходили к основанию просто посмотреть, как трос натягивается на последнем креплении.

Марина не спускалась с верстака вторую неделю кряду — домотала последний метр кабеля, перепаяла разъём в третий раз, потому что первые два ей не понравились на взгляд, хотя оба прошли проверку прибором. Ещё в первые недели после Порога она обещала себе, что штатная антенна будет стоять до того, как ударят настоящие холода. Уложилась в срок с запасом в одиннадцать дней и никому об этом не сказала.

Лёвка пришёл в командный модуль раньше положенного часа и сел у самого динамика, притянув колени к груди. С той секунды, как закрылась дверь главного затвора, он повзрослел на год — было двенадцать, стало тринадцать, — а камень с озера всё ещё лежал у него в кармане, хотя он давно перестал катать его между ладонями каждый вечер.

Марина закрутила последнюю клемму, проверила показания тестера дважды и только потом подала питание. Прибор откликнулся без единой запинки — ей давно не нужно было в этом убеждаться, но она всё равно на секунду задержала руку над тумблером, прежде чем щёлкнуть им. Не улыбнулась. Просто выдохнула и взялась за ручку настройки, медленно ведя её через весь диапазон, метку за меткой.

Динамик отвечал ровно, без единого сбоя в тоне — просто ничего не отвечал. Лёвка слушал, вцепившись в собственные колени, ожидая, что где-то на следующей отметке шкалы что-то дрогнет, изменится, прорвётся, — и когда стрелка дошла до конца диапазона и Марина вернула её к началу, чтобы провести второй круг, он не выдержал первым.

— Может, оно просто не в ту сторону смотрит, — сказал он, не глядя ни на кого. — Может, надо повыше. Или подождать до ночи, ночью лучше слышно, я читал.

— Я слышала это же от тебя месяц назад, — тихо сказала Марина, не отрываясь от ручки. — И два месяца назад.

Лёвка промолчал, потому что она была права, и от этого стало только хуже. Он думал о годе, который прошёл с той секунды, как за ним закрылась дверь главного затвора, и о том, что за весь этот год он честно верил — не то чтобы верил, а просто не разрешал себе думать иначе, — что мачта, когда её наконец поставят, что-нибудь принесёт. Не обязательно голос. Хотя бы шум другого рода, чем этот.

Второй круг по диапазону не дал ничего нового. Марина выключила приёмник резче, чем требовалось для простого щелчка тумблера, и несколько секунд сидела, не убирая руку с панели, глядя в стену перед собой так, как смотрят на что-то, что нужно заставить себя признать.

— Работает исправно, — сказала она наконец, и голос был ровным настолько, что ровность в нём была заметнее любой дрожи. — Проблема не в антенне.

Никто не спросил, в чём проблема, — просто начали расходиться по местам, один за другим, оставляя динамик тихо шипеть за спиной.

Виктор задержался в дверях модуля — заглянуть мимоходом у него явно не получилось, — потом сказал коротко:

— Дежурство у трансивера. По два часа, круглые сутки, начиная с сегодняшней ночи.

Он вышел первым. Лёвка ещё немного посидел у динамика, хотя Марина уже сматывала лишний кабель, готовясь уходить, потом тоже поднялся — молча, ничего не сказав, — и пошёл в жилой блок, где Соня давно звала всех на ужин, который остывал уже минут двадцать.

* * *

VI. Гранит-4

В 23:40, на четвёртые сутки постоянного дежурства у трансивера, динамик пробил статическое шипение хриплым, прерывистым голосом — так внезапно, что Соня, сидевшая на смене, опрокинула кружку с чаем на планшет с записями и даже не заметила этого.

«…кто слышит… это объект „Гранит-4“… повторяю, „Гранит-4“… критический сбой регенерации… острая нехватка кислорода… нужны патроны или фильтры, любые… восемь человек, из них двое детей… наш адрес…»

Голос потонул в треске разрядов раньше, чем успел назвать координаты внятно.

Соня не стала ждать утра — поднятый ею крик разбудил весь блок так, что этого не забудет ещё долго никто из спавших. К моменту, когда все восемь собрались в отсеке связи, Марина уже прогоняла запись заново, замедляя, вычищая шумы вручную, насколько позволял старый эквалайзер.

— «Гранит-4», — тихо сказала Анна, сверяясь с картой ГО, разложенной поверх стола. — Бывшее ведомственное убежище химического завода, километрах в семнадцати к востоку — там же, откуда Марина в своё время докладывала дым. По расчёту их автономность должна была кончиться месяца три назад. Они жили на пределе всё это время.

Лёвка смотрел на динамик, будто голос мог вернуться, если долго не отводить взгляд.

— Там дети, — сказал он тихо. — Он сказал — двое детей.

Никто ему не ответил сразу. Первой поднялась Анна и молча пошла собирать аптечку, не дожидаясь утреннего совета. Остальные потянулись следом, один за другим, и никто не стал ждать, чтобы обсудить это вслух.

* * *

VII. Двое детей

После полуночи никто в посёлке не спал по-настоящему — расходились по своим отсекам, гасили свет для порядка и лежали, вслушиваясь в темноту так же, как совсем недавно вслушивались в динамик.

Лёвка не выдержал первым. Он поднялся, не зажигая света, и пошёл в общий зал: лежать и повторять про себя два слова «двое детей» стало физически невозможно.

В зале уже горел свет. Соня сидела на ящике с рассадным журналом на коленях, не читая его, а Илья стоял у противоположной стены, привалившись к ней спиной, и оба замолчали на середине разговора, когда скрипнула дверь.

— Ты тоже, — сказала Соня вместо приветствия, не уточняя, о чём «тоже».

Лёвка сел на свободный ящик.

— Двое детей, — повторил он то, что весь вечер крутилось в голове, будто произнесённое вслух могло наконец сложиться во что-то целое. — Как я, когда закрылась дверь. Может, младше.

— Может, — согласилась Соня. — А может, вообще без разницы, сколько им лет. Восемь человек умирают медленно в двенадцати километрах отсюда, и двое из них дети, а шестеро — нет. Это не делает шестерых менее важными, Лёва.

— Я как раз про это, — неожиданно подал голос Илья, не двигаясь от стены. — Считаю, сколько человек поместится в кузов, если берём всех восьмерых одним рейсом. Выходит впритык. А впритык — это когда лишний узел на дороге или заболевший ребёнок решает всё.

Лёвка не сразу нашёл, что на это ответить, а когда нашёл, сказал не то, что собирался:

— А если б там было восемь взрослых, вы бы так же спорили за столом?

Соня помолчала, будто вопрос был сложнее, чем казался на первый взгляд.

— Не знаю, — сказала она честно. — Наверное, да. Но мне было бы труднее сказать это вслух.

Илья оттолкнулся от стены.

— Пойду ещё раз пересчитаю борта кузова. На бумаге цифры сходятся, а я всё равно не верю бумаге, пока не пощупаю руками, — он взглянул на сына. — Не жди меня, я долго.

Разговор ещё не закончился — просто сидеть без движения он больше не мог. Лёвка и Соня остались вдвоём, глядя на закрывшуюся за ним дверь.

— Он всегда так, — сказал Лёвка. — Когда страшно — идёт что-нибудь пересчитывать.

— Все так, — сказала Соня. — У каждого свой способ пересчитывать борта кузова.

В отсеке связи Марина третий раз за ночь прогоняла запись сигнала, хотя разобрать из шума больше, чем в первый раз, было уже невозможно. Дверь скрипнула — она решила, что это опять Виктор с обходом, но голос спросил не по-командирски:

— Сменить пришёл. Хотя мысль тоже есть, если хочешь послушать.

— Виктор прислал?

— Сам напросился. Всё равно не спал, — Марк остановился в дверях, не входя сразу, потом сел на свободный стул.

— Хочешь скажу, что я думаю, пока никто не слышит? — спросил он наконец.

— Скажи здесь. Здесь я и есть никто.

— Я думаю, что если мы отдадим половину резерва и вентилятор откажет через месяц, никто из нас не доживёт до весны, — сказал он тихо, не поднимая взгляда от осциллографа. — И я думаю, что если мы не отдадим ничего, я не смогу спать спокойно ещё год. Обе мысли верные. Раздражает, что они не могут ужиться в одной голове одновременно.

— С каких пор тебя это раздражает? — Марина наконец посмотрела на него. — Ты обычно выбираешь ту мысль, у которой цифры ровнее, и на этом успокаиваешься.

Марк долго молчал, прежде чем ответить, и голос вышел без привычной уверенности.

— Мне легче считать патроны, чем считать людей, — сказал он. — Патроны хотя бы не смотрят в ответ. — Он покрутил в пальцах карандаш, не глядя на неё. — Наверное, поэтому я всегда лезу за цифрами первым. С ними я хотя бы не боюсь ошибиться так, чтобы это было видно на чьём-то лице.

Марина отложила отвёртку.

— Регулятор оборотов до сих пор вспоминаешь?

— Иногда, — признался Марк. — Виктор так и не посмотрел на него вместе со мной, хотя обещал — если цифры за месяц сойдутся. Не знаю, забыл он или просто нашлось дело важнее. Я тоже не спрашивал — само стало неважно, когда дизель почти перестал глохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.